

Чалмаев, В. Романы Константина Симонова [Текст] / В. Чалмаев // Чалмаев, В. На войне остаться человеком : фронтовые страницы русской прозы 60-90-х годов : в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / В. Чалмаев. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 78-84.

Романы Константина Михайловича Симонова (1915 «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1904) «Последнее лето» (1970—1971).

Константин Симонов, корреспондент «Красной звезды» (центральной военной газеты) с 1941 года, трижды лауреат Сталинских премий в годы войны — за пьесу «Парень из нашего города» (1941), пьесу «Русские люди» (1942), сталинградскую повесть «Дни и ночи» (1943) — никогда не был человеком вне времени. Он всегда учитывал «горизонт ожиданий» читателя и, увы, социальный заказ.

После 1956 года Константин Симонов мужественно и честно признался: его поэзия, драматургия, военная романистика то и дело «ударялась», ушибалась о новые, замалчиваемые и им факты, подробности войны.

В повести К. Воробьева «Убиты под Москвой», в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» мелькают так называемые заградотряды, явление неизбежное, вероятно, в борьбе с дезертирством, но смертельно-ненавистное для честных фронтовиков. Поэт Марк Соболь еще в 1943 году мужественно написал о них в стихотворении «Маршевая рота», написал с горечью, болью и гордостью фронтовика:

Зябко поникла трава на лугах,
дождик безбожный.
Тысяча лет на моих сапогах
Глины дорожной.
В горле от этой пожухлой травы
горькая завязь.
Счастливы лица у тех, что мертвы —
отвоевались.

Вот они, сполохи огненной мглы,
дымного смрада!
В серые спины нам смотрят стволы
заградотряда.
Что сторожите вы из-за бугра
взглядом-прицелом?
Не беспокойтесь: мы крикнем «ура»!
перед расстрелом...

При всем том, что повести, стихи, романы Симонова были долгие

годы «политическим барометром дозволенного партией либерализма», как заметил немецкий славист В. Казак, ни заградотрядов, ни трибунала, приговорившего к расстрелу в 1941 году Д.Г. Павлова, командующего Западным фронтом, в них не было. Правда, мало кто знал о его компромиссах, вечных «играх» с властью предержащими, о жажде успеха и славы, которая считалась в те годы показателем таланта и творческой мощи художника. Были, безусловно, в его летописи войны и стихи-поступки. Таково стихотворение 1941 года «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Даже тема защиты Брестской крепости в том же 1941 году отсутствовала во всем художественном пространстве писателя! А ведь он, участник обороны Могилева, знал о многом и знал лучше всех. С темой Брестской крепости его опередил С.С. Смирнов повестью «Крепость над Бугом» (1956) и даже куда более ограниченный в любых возможностях писатель С. Голубов, написавший о трагическом одиночестве этой твердыни роман «Когда крепости не сдаются» (1953).

Трилогия Симонова, состоящая из романов, прочно прикрепленных к конкретным этапам войны, грандиозным операциям, создавалась и публиковалась свыше 12 лет. В двух последних ее частях — романах «Солдатами не рождаются» (о Сталинградской битве) и «Последнее лето» (операция «Багратион», освобождение Белоруссии) — писатель как бы возвратился к поэтике больших полотен с неизбежной номенклатурой героев-должностей, с оценками операций в штабах Ставки, с явной иллюстративностью всех ответвлений сюжета. Он не заметил, что это была жизнь по просроченному паспорту. Естественно, механизм «альтернативности», одушевляющий подлинный эпос, вновь был выключен. В последнем романе, когда Советская Армия освобождает Могилев, был предрешен и победный исход, был утяжелен и груз на другой чаше весов, — произошла случайная смерть главного героя всей трилогии генерала Серпилина. Почему он должен был погибнуть? Писатель, объясняя этот поворот сюжета, свой расчет, не заметил, что он действовал всецело в духе нормативного мышления: «Решение, что Серпилин погибнет на страницах романа, у меня возникло давно. Для того чтобы поэтически выразить, что такое двадцать с лишним миллионов погибших, каждый из которых был самым дорогим человеком для нескольких людей, чтобы выразить глубину этой трагедии, я должен был сделать так, чтобы погиб человек, который мне в романе дорог больше всех. Тогда у читателя будет ощущение: что у нас отнимает война».

Подобная иллюстративность, предписанность, «просвечивающий» во всем победоносный исход, несущие «успокоение» эпосу (т.о. отсутствие саморазвития), оцепенение, застылость характеров ощущается в очень многих подробностях

последних двух частей трилогии. Они обе уступают первой части, роману «Живые и мертвые», где Симонов, может быть, неожиданно для себя учел уроки «лейтенантской прозы», создал серию внутренне завершенных повестей, новелл, даже очерков, впервые объединенных фигурой почти частного лица, политрука, работника фронтовой газеты Синцова. Писатель в этот счастливый момент, видимо, почувствовал, как велика может быть сила стягивания у практически безвластного, никем и ни на что не уполномоченного человека.

В сущности, весь белорусский фронт 29 июня 1941 года, тот фронт, «что горел, не стихая, как на ране рубец» (А. Твардовский), ожил во 2-й главе романа, когда политрук Синцов выехал из Могилева на редакционной полуторке (с газетами) в сторону фронта. Где этот фронт? Его еще надо найти. Синцов мысленно спрашивает себя: может быть, фронт, т.е. начало организованности, собранности, есть этот красноармеец (часовой, связной?) на развилке дорог «без винтовки, с двумя гранатами у пояса»? Или два милиционера в серых прорезиненных плащах, выскочивших к его машине? Увы, они сами с надеждой спрашивают Синцова:

— Товарищ командир... Какие будут приказания?

— Какие приказания? — удивленно переспросил Синцов. — У вас есть свое начальство!

— Нет у нас своего начальства, — сказал милиционер. — Послали позавчера сюда, в лес, парашютистов ловить, если сбросят, а какие же теперь парашютисты, когда немцы уже через Березину переправились!

Поиски начальства растерянными бойцами перемежаются со слухами. Слухи — кошмарная форма ориентации в опрокинутом пространстве. Синцов своей малой властью подбирает в полуторку и милиционеров, и саперов, он вынужден менять маршрут поездки.

Ощущение бессилия, абсолютности поражения усиливается тем, что происходит в небе над Белоруссией. На глазах у бойцов шестерку наших громадных ночных бомбардировщиков ТБ-3, шедших без сопровождения, расстреляли («издевается фашист над людьми») быстрые, как осы, «мессершмитты».

Однако худшее было впереди. Внезапно появившийся советский истребитель, сопровождавший новую группу ТБ-3, лихо, как-то истерично, сбил один вражеский самолет, но затем сам загорелся. Бойцы на земле поняли — по неуловимой быстроте падения летчика, по хлопку парашюта почти над вершинами сосен! — что тут сражался какой-то подлинный, но растерянный мастер.

Увы, он, герой испанской войны генерал-лейтенант Козырев, которому посылали проклятья незащищенные экипажи «тихоходов», искалечил себя при падении и в полубреду, приняв шедших к нему бойцов Синцова за немцев, застрелился. Монолог Козырева, вернее

«вчувствование» автора — это трагедия, обращенная вспять, объясняющая многое в неудачах. Этот самородок, чуть тщеславный, но талантливый, из полковников произведенный Сталиным в генерал-лейтенанты, «не умел командовать никем, кроме самого себя, и стал генералом, в сущности оставаясь старшим лейтенантом».

Все происходящее затем с Синцовым — встреча его с полком Серпилина, окружение и выход из него, недолгий плен и счастливый побег, приход в Москву 16 октября в час всеобщей паники, приход без документов — это такой вихрь событий, тревог, мимолетных (но до самого дна души!) прозрений, что многим исследователям показалось, что такой герой-информатор не адекватен времени. Бесспорно, той адекватности, духовно-нравственной равновеликости характеров и событий, которые есть между Пьером Безуховым, «блуждающим» и на Бородинском поле, и в оставленной Москве (в «Войне и мире»), и народом, Москвой в «Живых и мертвых» нет. Но нет, к счастью, и приподымания героя, «обогащения» его за счет внеличного, заданного концептуального ядра. Упреки П.М.Т опера в адрес Синцова — «он словно застывает под бременем ударов судьбы», «несчастья Синцова (вполне реальные), его душевные страдания (вполне понятные), при всей их трагичности, мельче подлинных трагедий тех лет», «повествование лишилось героя» и т.п. — все-таки не вполне по адресу. Бремя ударов судьбы, разочарований — в карьеристе Люсине, бросившем его перед Москвой, боясь допросов, боясь самого Синцова, человека без документов, — не столь уж мелковато. «С наше повоюйте, с наше покочуйте», — мог бы сказать и Синцов своим критикам.

В конце концов именно благодаря Синцову перед читателем возникла не сумма впечатлений, фактов, а образ события, где альтернатива победы с великим трудом прокладывает себе дорогу, реализует себя.

Почему удался, например, образ Серпилина?

В июле 1941 года Симонов написал очерк «Будем стоять, пока живы!» об одном из героев обороны Могилева командире 388-го стрелкового полка Семене Кутепове. Эпизод знакомства с этим строгим, пресекавшим всякую панику, тем более слухи о диверсантах, полковником запомнился. И почти без изменений перекочевал из очерка в роман. Кутепов—Серпилин чуть не арестовал незванно явившихся к нему ночью журналистов! Чуть не положил их на землю до утра, до выяснения личностей.

В романе Синцов не просто больше, чем в очерке, знает о Серпилине. Он невольно, оставшись в полку Серпилина, попадает в ситуации, когда этот замкнутый человек вдруг объясняет всю тяжесть своей ответственности:

«Вот вы тут о смерти заговорили, и я вам тоже скажу, чтоб не возвращаться, чтоб вы меня до самых потрохов поняли. Помереть на

глазах у всех я не боюсь. А без вести пропасть не имею права! Поняли?»

Это намек на скрытую боль, обиду героя на время (он был репрессирован по ложному доносу до войны). И одновременно чувство ответственности за всех, кто возвращен на фронт из тюрем и лагерей (а среди них и будущие маршалы К.К.Рокоссовский и К.А.Мерецков и др.). Впрочем, прошлое настигает Серпилина. И опять этот же «незначительный» Синцов глубоко понимает своего мужественного командира, когда в его полк вливаются два очередных «рассеянных» бойца (помните, из поэмы о бойце «Василий Теркин»? — «был рассеян он частично и частично истреблен?»). Один из них — шофер Золотарев, а другой — его шеф, полковник Баранов, некогда работавший с Серпилиным в академии, виновник его ареста, осуждения. У красноармейца, оказывается, все документы в порядке, а вот этот крикун из 30-х годов не просто загодя переоделся в солдатскую гимнастерку, но «забыл» всякие документы. И он еще возмущается, когда его допрашивают («компрометируют») при подчиненном, видит во всех решениях Серпилина месть за прошлое, за давнее «расхождение во взглядах»!

К сожалению, в последних частях трилогии возобладала ложная псевдоэпическая широта. Писатель вновь как-то легко поверил, что масштаб операции определяет и масштаб характера, сложность той или иной человеческой личности. В калейдоскопическом мелькании генеральских и полковничьих звезд — Батюк, Артемьев, Львов, Бойко, Талызин и др., в перемещении дивизий, бригад, как-то незаметно исчез человек. «Не вытряхивайте дивизий из рукава!» — так осаживал на штабных учениях генералов 30-х годов маршал Б.М. Шапошников, когда они чересчур легко перебрасывали тысячи людей на десятки и сотни километров, не помня о бездорожье, безмашинности, снабжении армии. Увы, здесь началось именно вытряхивание, перетасовка армий, корпусов. Возникло своего рода мелькание должностей, серия описаний, посвященных подготовке операций, возникло соревнование с маршальской мемуаристикой.